

КНИГОПЕЧАТАНИЕ

По возвращении в Бельгию, я завершил «Теплицы»⁽¹⁸⁾, которые начал писать еще в Париже.

<...> Я знал, что бесполезно обращаться к издателям. Они в ужасе разбегаются при одном только упоминании поэзии. Но где достать денег? У каждого из нас есть своя копилка в отцовском сундуке. Потихоньку от отца, который пустился бы в крик и мог потребовать объяснений, которые я затруднился бы дать, мне удалось-таки, при соучастии матери, завладеть своими капиталами. Но их оказалось недостаточно; тогда я добился участия сестры и брата: они дали мне ссуду под проценты, с постепенной и не очень скорой уплатой долга.

Один приятель по колледжу оказался обладателем маленького печатного станка для визитных карточек и циркуляров, и к тому же у него нашлась россыпь из нескольких сотен более-менее эльзевирьянских литер⁽¹⁹⁾ и скромный пресс с маховым колесом, приводимым в движение не мотором, а усилиями человеческих рук.

Таким образом, два моих друга, Грегуар Ле Руа и будущий знаменитый скульптор Жорж Минне, стали типографами вместе со мной. Техническую работу выполняли отставной типографский мастер и его молодой ученик, а мы вращали маховое колесо. Приходилось работать по вечерам и ночами, потому как день принадлежал серьезным клиентам. Словом, полотна Гелдера⁽²⁰⁾ по сравнению с нашими муками показались бы приветливыми и даже радостными. Продать удалось всего дюжину экземпляров, и великие надежды, возлагаемые на это событие, обернулись гулом тщетных усилий.

Однако, рукопись «Принцессы Мален»⁽²¹⁾, полностью завершенной, нетерпеливо дожидалась своей очереди. На сей раз речь шла уже не книжонке, сшитой из двух-трех листов, но о томе по меньшей мере в триста страниц. Рассчитывать на сбережения брата или сестры более не приходилось: они и так сожалели о худо помещенных капиталах. Я обратился прямо к матери, она, и я был в том прекрасно осведомлен, никогда и ни в чем не могла отказать своим детям. Я попросил у нее 250 франков на «Принцессу Мален». Мать не стала спрашивать меня, что это за принцесса, о которой она ничего не слышала, свалилась мне на голову, но пообещала снабдить ее деньгами к концу месяца, потихоньку подделывая хозяйственные счета. В те счастливые времена 250 франков творили чудеса.

Моя бледная девочка, принцесса из Иссельмонда, дождалась своей очереди и смело выступила навстречу славе или смерти. Ее рождение было и долгим, и трудным, -- сказывался тяжелый характер эльзевирьянских литер, к тому же готовые страницы следовало еще разложить по экземплярам.

Мы отпечатали, сброшюровали книги и отдали их брюссельскому книгопродавцу Полю Лакомблю⁽²²⁾. Он продал полтора десятка экземпляров, еще дюжину я разослал друзьям, в частности -- Стефану Малларме⁽²³⁾, который в нескольких отточенных словах, весьма меня ободривших, подтвердил получение. Затем все замирает и рушится в могильную яму, зарезервированную за каждым начинающим поэтом.

Но вот, несколько месяцев спустя, неожиданное событие переворачивает дом вверх дном.

Это случилось в дивный летний праздный день, в самый разгар трапезы. Мы сидели за длинным столом в обеденной зале: родители, брат, сестра, я и дядюшка Гектор, случайно к нам заглянувший. Отец рукою мастера как раз разрезал жирненькую

пулярку, выращенную и откормленную в нашем имении, когда на дорожке в саду мы увидели почтальона, вскоре лакей принес на подносе корреспонденцию, среди которой оказалось несколько писем и газета в бандероли, посланная лично мне. Я развернул ежедневный выпуск «Фигаро» и... Над двумя колонками на первой странице увидел набранную прописными буквами шапку: «МОРИС МЕТЕРЛИНК». Ошеломленный, ведь я не чувствовал за собою греха, что привел бы к подобной неожиданности, я бегло просмотрел статью, опасаясь встретить *in couda venenum*, обычной для французской прессы шпильки в адрес иностранца к концу статьи; я побледнел, покраснел, солнце слепило.

Отец заметил мое волнение:

-- Что с тобой? Что это у тебя?

Не говоря ни слова, я протянул ему газету. Теперь он в свою очередь удивленно пробежал те же две колонки, в которых речь шла обо мне, и посмотрел на меня взглядом, в котором читался вопрос: как это только мне в голову пришло впутаться в подобное преступление? Отец свернул газету и, так же безмолвно, вернул мне. Мать решила, что с ее сыном связан какой-то скандал, но, конечно, не поверила и заранее уже меня простила. Дядя Гектор, который сидел рядом с отцом, успел прочесть статью из-за его плеча. Как человек практичный, он тотчас что-то в уме посчитал на будущее, и правая его рука сама потянулась к левой, словно бы перебирая воображаемые эю, дядя посмотрел на меня недоуменно и спросил шепотом:

-- Каково... а? Морис?..

После чего обед возобновился, и гости, озадаченные и чрезвычайно заинтригованные, заговорили о посторонних вещах.

Заждавшаяся нас великолепная пулярка была уже холодна как смерть.

Кстати, вот первые умозаключения Октава **Мирбо** ⁽²⁴⁾ о «Принцессе Мален», сделанные им в «Фигаро» 24 августа 1890 года, привожу начало статьи:

«Я ничего не знаю о М. Морисе Метерлинке. Не знаю, откуда он и кто. Стар или молод, богат или беден, не знаю. Знаю только, нет человека, более неизвестного, чем он; знаю так же, что он создал шедевр, но не просто нечто такое, к чему приклеивают ярлык шедевра как бы авансом, и что публикуется каждый день нашими юными мэтрами, нечто, воспеваемое ныне на все лады под визгливые лиры -- или скорее под новенькие визгливые флейты, но удивительный, чистый, вечный шедевр, шедевр, которого одного хватит, чтобы обессмертить имя своего творца, шедевр, заставивший благословить это имя всех изголодавшихся по прекрасному и великому; шедевр, о котором мечтают благородные и измученные творцы в минуты высшего душевного напряжения, не в состоянии создать ничего подобного. Словом, М. Морис Метерлинк одарил нас самым гениальным произведением современности, самым необыкновенным, но так же и наивнейшим из всех, и пьеса его -- осмелюсь ли сказать? -- превосходит по красоте все, что есть самого прекрасного в Шекспире. Произведение М. Мориса Метерлинка называется «Принцесса Мален». Есть ли в этом мире хотя бы два десятка знающих об авторе? Сомневаюсь».

Мирбо велик, но неистов. Следовало поумерить радость и поделить все сказанное им на двое, или даже взять две трети его энтузиазма, и отбросить, оставив себе меньшую часть. Что я и сделал, решительно и без сожалений.

Я был тем больше ошеломлен, что не посылал **Мирбо**, которого даже никогда не видел, свою «Принцессу». Много позже мне рассказали, как Стефан Малларме ангельски, братски передал ему экземпляр, полученный от меня, направив на мою пьесу внимание великого полемиста.

<...> Статья чуть не свела с ума книгопродавцев. Со всех сторон их спрашивали о «Принцессе Мален», а в продаже было не более полусотни экземпляров, которые испарились, словно капля воды на раскаленной плите. Лакомбль поспешно выпустил следующий тираж, но он все-равно появился слишком поздно, когда любопытство публики распалал другой предмет, и я так и не узнал, каково человеку, написавшему *best seller*.

Бельгийская пресса с невнятными комментариями перепечатала статью **Мирбо**, остерегалась, словно жители Назарета, *si parva licet componere maximis*, то есть боясь оказаться жертвой парижской мистификации.

Отец тоже пребывал в замешательстве. Друзья его избегали или старались выказать соболезнования, словно бы в нашем доме кто-то умер. Одни ждали опровержения или молниеносного уличения во лжи. Другие говорили что-нибудь вроде:

-- У Полидора водятся денюжки, ясное дело, но вы только представьте себе, во сколько ему встала эта статейка... У меня есть связи, и уж я-то знаю привычки газетчиков, если их не подмазать, они не разглядят в ясном небе полной луны...

Наконец, по прошествии определенного времени, все затихло, улеглось. Надежды на скорое разоблачение не оправдались, пришлось смириться с фактом: кому-то из стада выпал шанс. Тогда, чтобы успокоить ноющую занозу, они стали говорить: «Поживем -- увидим, поживем -- увидим...»

<...> Жить после панегирика **Мирбо** было много труднее. Словно смерть, он закупорил ток будущего. Но меня это ничуть не обескуражило. Вместо того, чтобы в нетерпеливом любопытстве броситься в Париж пожинать подвявшие лавры, я провел лето в деревне, где жизнь продолжалась без очевидных перемен. Обдумывал «Непрошенную», «Слепых», заканчивал «Пелеаса»⁽²⁵⁾, затеял перевод «Одеяния духовного брака» Рейсбрука Удивительного⁽²⁶⁾, переводил так же Новалиса и наполовину написал «Сокровище смиренных»⁽²⁷⁾ и «Двенадцать песен»⁽²⁸⁾, между тем как подозрительная молва, никак не касаясь меня самого, охраняла мой покой.

Что случилось с «Принцессой Мален»? Антуан⁽²⁹⁾ прислал телеграмму, в которой настоятельно требовал отдать пьесу его театру. Я с радостью согласился; потом, продержав ее без движения, он забыл думать о постановке, так что до сих пор «Принцесса Мален» так и не увидела ни сцены, ни обмана кинематографа, вечно девственна и незрела. Утешает одно: предположение, что она всего лишь выжидает моей смерти, а затем начнет жить. Хотя, я убежден, и тогда она выберет вечный сон в своей башне без окон.

Несколькими месяцами позже я все-таки приехал в Париж и встретился с **Мирбо**. Он горячо обнял меня: «Наконец-то, вот и Вы!.. Я счастлив Вас видеть... Я боялся... Я боялся, что Вы не перенесете...» Это уже слава, или всего лишь ее маленькая дочь, известность, слегка задела меня крылом?

Это, я думаю, порыв, мечта или отсвет того, что еще случится, может случиться, могло бы случиться, того, что, вполне вероятно, не случится никогда. Здесь мы видим лишь луч ждущего за смертью. Как сказал о том же дивный Бальзак: «Слава -- солнце мертвых».

Ненадежное, преходящее солнце едва передвигается над землей. Я прервусь, чтобы по другой книге воскресить в памяти воспоминания иной эры, цепляющейся за шероховатости будущего, которого, как большинство смертных, я пока не знаю.

